

Громов В. Е., Громов В. С., Gromov V. E.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ

ДО ПИТАННЯ МЕТОДОЛОГІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ ПРОБЛЕМИ ДУХОВНОСТІ

FOR THE QUESTION OF INVESTIGATES METHODOLOGY OF SPIRITUALITY PROBLEM

В статье рассматривается методологический подход к исследованию тотальности человека и его «трансцендентного проекта», как онтологического основания его смысложизненных исканий и духовной реализации. При духовной узости науки и антропоцентрической ограниченности мировоззрения, не просветлённого духовностью, человек становится сильнейшим фактором планетарной дестабилизации.

Ключевые слова: трансцендентная детерминанта, самодеятельность, самополагание, «метафизическое долженствование», метафизический проект, диалектическая спекуляция.

В статті розглядається методологічний підхід до дослідження тотальності людини та її «трансцендентного проекту», як онтологічного підґрунтя пошуків її сенсу та духовної реалізації. За духовної вузькості науки і антропоцентричному обмеженні світогляду людина стає небезпечним фактором планетарної дестабілізації.

Ключові слова: трансцендентна детермінанта, самодіяльність, самопокладання, «метафізичне долженствування», метафізичний проект, діалектична спекуляція.

The author investigates the essence of human being and his «transcendent project» as ontological basis of his spiritual realization. The author insists that the main problem of modern society is the problem of spiritual understanding of social life activity because the mankind becomes of the factor of danger for all living beings on the Earth.

Key words: transcendental determinate, self-determinnation, «metaphisics duty», transcendent project, dialectical speculation.

История философии, религии, науки, художественной культуры в зависимости от меры овладения их идейным содержанием и морально-эстетическими мотивами, интегрально воздействует на исследователя и сказывается на направлении его мысли. Когда речь идёт о духовности трудно представить, что в деле прояснения её сущности может быть достаточно

позитивистских, аналитических, сциентистских, постмодернистских установок в философствовании на эту тему. Нельзя подняться в небо на крыльях скептицизма, не измышляя гипотез и без игры воображения. Респектабельный объективизм и остриё “бритвы Оккама” с их явными или прикрытыми номиналистскими установками преграждают путь в бытие, которое “стало субъективностью”, миром культуры, целостностью, в которой человек определён не только “вещно”, как нечто скованное отношениями внешней причинности или ограниченностью своих познавательных возможностей, но и как свободное, творческое, смысловое, самополагающее существо. Это не значит, что философу позволено заменять мысль неукротимой фантазией. Просто следует помнить, что человек, размышляя над предзаданным для него основанием существования, общей схемой его встроенности в бытие, обречён на свободу самополагания, согласно смыслу, который он вырабатывает сам, но так, чтобы это осознавалось “проектом Абсолютного”. В этом смысле поиск истины о предназначении человека является некой мольбой, медитацией, обращённой к Трансцендентному источнику для прояснения того, что является моим, но определённым не моей прихотью, а “метафизическим должествованием”.

Такой подход к пониманию миссии человека и его духовного смысла разрабатывает религиозная философия (Франк С.А., Эрн В.Ф., Зеньковский В.В., Ильин И.А., Флоренский П., Корет Э. и др.), экзистенциализм (Бердяев Н.А, Хайдеггер М., Ясперс К. и др.), персонализм (Шелер М., Мунье Э.), словом, та философская антропология, которая преодолевает ограниченность классического рационализма, расширяет границы понимания рациональности, отстаивая её холистический характер, сохраняя при этом смысл метафизики, претендующей на выдвижение общезначимых идей в отличие от постмодернизма, отрицающего “всеобщие дискурсы” и “большие нарративы” (Лиотар Ж.Ф., Деррида Ж.).

В условиях развития концептуального плюрализма и аналитических подходов к исследованию реальности философия как неклассическая метафизика, не только не теряет своего значения и правомочности, но находит союзника и в теоретическом естествознании, исследующем природу каузальности “своевольных”, стохастических систем, где берётся во внимание не только физика “свободной причинности”, но и информационная составляющая бытия, игра продуктивного воображения, смыслы и моральные намерения человека в его самосознании и взаимодействии с реальностью.

В этой связи представляется, что в условиях утверждения неклассической парадигмы рациональности одним из правомочных подходов в изучении проблемы духовности является метод диалектической спекуляции, прорыва в сферу человеческой тотальности и философского прояснения-

полагания трансцендентного проекта в отношении всеобщего человеческого смысла. Этот метод, поскольку он обязывает мыслителя размышлять в горизонте Абсолютного, можно было бы назвать неосхоластикой или герменевтикой, соединяющей логику с верой, дисциплину рассуждения с игрой воображения, экзистенциальное переживание и волю. Здесь пересекаются и амбивалентно взаимодействуют объективное и субъективное, основа и обоснованное, причины и смыслы, значения и ценности.

В условиях, когда развитие мировой цивилизации приобрело глобальный преобразующий характер, человеку по-новому и с настоящей необходимостью открывается внутренняя, трансцендентная детерминанта определения его всеобщего смысла и исторического проекта. Чтобы не быть игрушкой внешних сил, общество во всё большей степени должно выступать как фактор сознательного полагания своего цивилизационного и культурного развития. Исторический выбор означает в этом контексте выбор человеком самого себя, своего всемирно-исторического смысла, метафизической обязанности перед собой и реальностью, на которую он оказывает столь значительное воздействие. Трансцендентная детерминанта – это такая сущностная основа человеческого существования, которую люди посредством духовных усилий, находясь в горизонте абсолютного, открывают в своей тотальности, надопытном, умопостигаемом бытии. Она тесно связана с наличной реальностью, является частью бытия, но осознаётся и полагается как производная завершённой всеобщности.

В выборе себя человек вовлечён в парадоксальную ситуацию самообоснования. Погружённый в бесконечность своей тотальности, он выступает как субъект полагания и положенный объект, как субъект с сущностью и как лишённое основы, потерянное существо. В этом противоречии драматизм самоискания человека и его свобода, в которой он выступает как трансценденция, принадлежащая бытию, и одновременно выпадающая из наличной реальности. Допущение трансцендентной детерминанты, определяется тем очевидным онтологическим обстоятельством, что способность людей к свободе и самостоятельному развитию невозможно исчерпывающе объяснить в терминах внешней эмпирической детерминации. Человеческая тотальность задана как априорная онтологическая реальность и является необходимым условием самосозидания человека.

Акт самосознания и самостоятельности предполагает единство сущностных сил индивидов – познания, переживания, воления, верования, созерцания и творчества. Современная парадигма знания и тем более философствования не сводит познание к узкому, логико-гносеологическому подходу в рамках ясного, “нормального” сознания и строгой доказательности.

Все аспекты человеческого мироотношения должны входить в определения знания, предполагая необходимость их дополнительности.

Идеал целостности знания, когда наука вмещает в себя волю человека, просветляется моральностью и красотой, отходя от приоритета узкого детерминистского принципа в формировании стратегии человеческого мироотношения, учитывает ценностную, этическую и даже религиозную детерминанты в определении путей и способов развёртывания исторической самодеятельности общества. Человек, как целостность и нечто тяготеющее к совпадению со своей тотальностью, подобен Спинозовской субстанции – причине самой себя, с тем отличием от последней, что акты его самодетерминации не тождественны осуществлению естественной необходимости. Они определены не только на уровне обстоятельств внешнего существования, но в глубине трансцендентального предначертания и являющегося тем самым неким сознательным исполнением мировой судьбы.

Интересно, что сама природа в сложных, “своевольных” системах переходит к закономерностям вероятностного типа, как бы накапливает потенциал свободы, когда их наличное неустойчивое состояние “не знает”, какая логика овладеет ими потом и какой случай и мера некоего подобия внутренней разумности создаст ту или иную их определённую. Экстраполируя это обстоятельство на общество, являющееся сложной самоорганизующейся системой, можно сказать, что наличие большого числа составляющих её элементов и их вероятностная детерминация оборачивается накоплением многообразия вариантов сознательного проектирования социума, входит в основу возрастающей свободы воли человека, его способности к ответственной трансформации бытия на антропной основе.

Трансцендирование в горизонте тотальности, то есть, поиск человеком некой абсолютной обоснованности и адекватности самоосуществления, предполагает множественность, плюрализм идей и стилей в самостроительстве и самополагании. Поскольку сущность человека не имеет персонификации помимо отдельных индивидов, в самодеятельности общества, углублённого в свою тотальность и вышедшего на просторы глобализации, значение развитой духовной индивидуальности, роль продвинутых личностей, философов, мудрецов, религиозных наставников неизмеримо возрастает. В их сознании вызревают и оформляются новые парадигмы. Всеобщее, общезначимое совершается в индивидуальных опытах. Индивиды буквально как в зеркала смотрятся друг в друга в поиске самих себя, определяются в понимании своей тотальности, смысла, форм явленности и оправданности своего в-мире-бытия. Плюрализм, таким образом, не вежливый реверанс терпимости, но необходимое условие укрепления силы знания и веры в правильность выбираемого пути самодеятельности человека.

С другой стороны, очевидно, что плюрализм сам по себе является устойчивой проблемой. Кроме проблемы выбора и конкуренции идей, он предполагает некий развёрнутый демократичностью распад и догматическую констелляцию жизненных миров индивидов, а также содержит в себе дурные возможности в самосознании человека в связи с его свободой и антропоцентрической идеологией. Человек как субъект непосредственно всеобщей универсальной деятельности, действующий в горизонте своей тотальности и являющийся причиной самого себя легко укрепляется в идее своей космической единственности и исключительности. В пункте самодеятельного исчерпания своей тотальности человеческая самость оказалась замкнутой на себя, что в сопряжении с мироотношением потребительского общества создаёт гипертрофированную идеологию антропоцентризма, которая служит завершением родовой гордыни человека как меры всех вещей и высшей санкции существующего. Убеждение в единственности и самодостаточности человека на путях его самоопределения приводит к психоидеологии космического потребительства, когда вселенная мыслится только как вещь, нужная для целей антропоморфизма, как средство перевода его сущности в бесконечное существование. Создаётся миф, освобождающий человечество от метафизической вины и мировой ответственности, ибо какая может быть моральность и прочие духовные интенции в отношениях с вещами.

Человек, попавший в ловушку своей тотальности, видит трансцендентное лишь как отличие своего всеобщего от своего же особенного. В этом замкнутом круге взаимодействие индивидов с их мирами и смыслами приобретает характер внешнего соперничества, борьбы воле без приращения глубины их единства на основе тотальности, которая должна быть помыслена как открытая для определения из чего-то большего. Ведь изначально ясно, что человек всецело не продуцирует себя, он сам является порождением вселенной, “подарком” или “трагической шуткой” бытия, что, собственно, и порождает вопрос о нём самом.

Чтобы единство личностей в горизонте абсолютного приобрело смысл и сохранило характер свободы, а их противоречие в плюралистической реальности продуктивное разрешение, кроме столкновения и ассиметрии противоположностей общего и особенного внутри человеческой тотальности необходим “третий”, “провиденциальный собеседник” (О. Мандельштам), который был бы арбитром в диалоге индивидуумов-монад, основанием, создающим саму возможность диалога между ними. Этот “третий” – не человек в своей абсолютности, но нечто большее и отличное от неё, это – предел человеческого, но не в значении тотальности, которой исторические индивиды стремятся овладеть, простирая себя в бесконечной вселенной, а в значении основания и сохранения границы человеческого, условия принятия её

сущностной определённости, мировой судьбы и ответственности. Это Абсолютное бытие, высшая всеобъемлющая реальность Трансцендентного, Святое творческое присутствие внутри и за сферой проявленного мира, фундаментальная бытийная предпосылка всего возможного и существующего. Без идеи Трансцендентного нет последнего основания для присвоения человеком своего сущностного единства, а также свободы исторического самополагания, одухотворённого отрицанием космического одиночества человеческого рода, а, следовательно, его мировой безответственности и неблагодарности.

Определяя сущность и космическое предназначение человека как проект Трансцендентного и, исходя из того, что человеческое бытие задано как имеющее мировой смысл, следует попытаться прояснить его содержание на философском уровне. В решении этой задачи эмпирический подход даёт мало подсказок, - люди не осознают свой “трансцендентный проект”, будучи обусловленными задачами практического выживания. Для них, как и для тех, кто задумывается над проблемой человека, но не воспринимет трансцендентализм и “большие нарративы”, ничего подобного просто не существует. Однако история нашей цивилизации убеждает, что время поисков всеобщего человеческого смысла настало не только как теоретическая потребность мечтательно настроенных философов, но и как насущная практическая необходимость, ибо если люди будут и дальше строить свою жизнь в соответствии с целями безрассудного потребления природы и самих себя, то вселенский смысл человечества может обернуться необходимостью его трагической гибели в пустыне отходов цивилизационной деятельности.

Существование человека как трансценденции расположено на границе естественного и искусственного, необходимости и свободы, телесного и духовного. Он, стало быть, пристёгнут к материальному бытию и одновременно “не от мира сего”, соотнесён с Абсолютом, Богом. Поэтому всеобщий духовный смысл человека следует искать в сопряжении этих векторов его интенциональности, в задачах собственно человеческого отношения к природе, Богу и самому себе.

С. Киркегор был уверен, что человек не является “хозяином” своего возникновения, а М. Хайдеггер утверждает, что “человеку подарена свобода” (6, с. 28). Видя, как люди распоряжаются этим даром, отождествляя себя со своими телесными потребностями, легче думать, что для него это излишняя награда. Кажется, что человеку нужна только свобода от насилия и свобода исполнения программы благополучного физического выживания, - дальше виталической потребности в хлебе, теперь уже с маслом, и зрелищах дело его духовного развития не пошло.

Тем не менее, уже на ранних этапах общественного развития находились индивиды, способные видеть ценные фрагменты человеческого так, что порой их прозрения представляются более глубокими и прочными, чем суждения многих современных учёных, пленённых научной добросовестностью и скептицизмом. Уже в Ветхом Завете, Бхагават-гите, Евангелиях, Коране мы находим указания на причастность человека к божественной сущности, на его служебное положение по отношению к Творцу и вместе с тем на его свободу так, что его сущность не может быть исчерпана биологическими и социо-центрическими интерпретациями. Человек не задан как животное.

Однако как свободное существо он проходит длительный исторический путь самопознания, практикуя различные варианты самоидентификации от наименее привлекательных и порочных до святых и возвышенно-прекрасных. Как трансценденция человек, следовательно, выпадает не только из животного мира, даже если способ его существования перехлестывает любые формы животности, – формируя свой жизненный мир, он отпадает и от Творца, превращая в Бога самого себя и подчиняя индустриальное и культурное развитие эгоистическим целям потребительства. Восточная философия называет это ложными самоидентификациями индивидов, их обусловленностью (ахамкарой), жизнью в сансаре, а иудаизм, христианство и ислам грехопадением.

И, всё же, не только великие духовные учителя и далёкие от народа философы, но и более широкие слои общества начинают осознавать, что жизнь протекает “как-то не так”, когда её предназначают для зрелищ и проедания.

Человек с его даром свободы – не случайный продукт мирового эволюционного процесса, – он возник со смыслом, выражающим “замысел” Трансцендентного, – в котором есть только одно абсолютно ясное стратегическое требование – одухотворение жизни на началах гармонии и любви. Бог есть любовь и человек должен сделаться любовью во всех уже частных и зависящих от него проявлениях жизни.

Часто можно слышать, что разговоры о каком-то трансцендентно заданном смысле человека, предпосланном ему метафизическом долженствовании – ничем не обоснованные фантазии религиозно настроенных людей, склонных к поклонению высшим силам или философским абстракциям. Странно, однако, настаивать на бессмысленности человеческого существования, как такового, то есть всеобщего, ибо тогда не было бы проблемы, человек был бы замкнут на себя. Горделивый рассудок, будучи порождением жизни, отрицает её всеобщий смысл так, будто сам является её основанием и знает о бытии больше, чем оно о самом себе.

Известно, что в науке пользуются многими методами, выбор какого-нибудь из них может составить основу целого исследования или построения

теории, например, принцип сравнительно-исторического анализа, культурно-исторической целостности, деятельностный принцип, принцип бинарной оппозиции, дополнительности, неполноты, неопределённости и т.п.

Однако какой бы образец культуры мышления не был бы принят учёным, он всегда остаётся формой снижения самотождественности предмета исследования, сужает его содержательную полноту и неоднозначность. Поэтому принцип, который представляется наиболее подходящим для философствующего в горизонте Абсолютного – это интегральный принцип Трансцендентного, который означает, что в идеале мышление должно быть свободой, диалектическим удержанием противоречий Абсолютного, которые в нём предельно обнаруживаются и совпадают.

Знания, однако, нужны человеку не для того, чтобы знать, а для того чтобы быть. В том, чтобы человеку быть в качестве экзистирующего в своей тотальной глубине и перед лицом Абсолютного и состоит предназначение спекулятивно-диалектической философии, которая в своей “высокой” глубине приобретает характер религиозного выбора, веры, просветлённой знанием, знания, укреплённого верой. Если философия не может и не должна быть служанкой теологии, то она, по крайней мере, могла бы ей в чём-то и послужить.

Литература:

1. Гайденко П.П. Прорыв к Трансцендентному. Новая онтология XXI века [Текст] / П.П. Гайденко. – М.: Республика, 1997.

2. Громов В.Е. Смысл и границы человеческой духовности [Текст] / В.Е. Громов. – Днепропетровск, НГУ, 2010.

3. Катречко С.Л. Как возможна метафизика? [Текст] / С.Л. Катречко // Вопросы философии. 2005, № 9. – С. 83–94.

4. Лук'янець, Кравченко О.М., Озадовська Л.В. та ін. [Текст] // Науковий світогляд на зламі століть. – К.: ПАРАПАН, 2006.

5. Ровинский Р.Е. Синергетика и процессы развития сложных систем [Текст] / Р.Е. Ровинский // Вопросы философии. 2006. – № 2. – С. 162 – 169.

6. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.

7. Эмерих Корет. Основы метафизики [Текст] / Корет Эмерих. – К.: «Тандем», 1998.